

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 9(470) «18»

РУССКИЕ НА БАЛКАНАХ В 1876 ГОДУ В СВЕТЕ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории российской цивилизации
E-mail: kochukovsa@mail.ru

Статья посвящена мемуарному наследию Сербской войны 1876 г. Автор рассматривает формирование взглядов русского общества на балканский конфликт, а также анализирует воспоминания В.Д. Паленова, А.Н. Хвостова, В.П. Мещерского, Н.Н. Дурново. В мемуарах показаны действия русских добровольцев в сербской армии, героизм волонтеров, представления о войне с точки зрения простых ее участников.

Ключевые слова: Балканский кризис, русское общество, Восточный вопрос, публицистика, пресса.

The Russians in the Balkans in 1876 in the Light of the Personal Origin

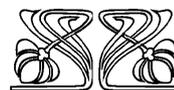
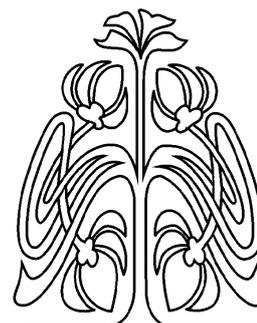
S.A. Kochukov

The article is dedicated to the memoir heritage of the Serbian war of 1876. The author considers the forming of the views of Russian society on the Balkan conflict and analyses memoirs of V.D. Palenov, A.N. Khvostov, V.P. Mescherskey, N.N. Durnovo. The memoirs represent the actions of Russian volunteers in the Serbian army, the volunteers' heroism, and shows the concept of the war from ordinary soldiers' point of view.

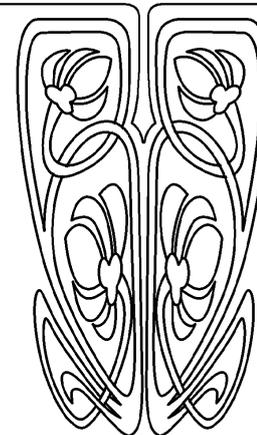
Key word: Balkan crisis, russian society, East problem, publicism, press.

С древнейших времен между русским народом и этносами Балканского полуострова существовали глубокие и многообразные связи. В период всего пятивекового пребывания под османским владычеством южные славяне не теряли надежды на помощь со стороны Российской империи, что особенно показательно в русско-турецких войнах 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Тем не менее военные действия против Османской империи так и не смогли разрешить балканский вопрос. Причины этого кроются, во-первых, в поражении России в период Крымской войны, а во-вторых, в недостаточно твердой и последовательной политике самой Российской империи по отношению к национально-освободительному движению на Балканском полуострове.

Развязка в таком наиважнейшем для России вопросе, как военная помощь южным славянам, наступила, когда в апреле 1876 г. произошло восстание в Болгарии, а 19 июля 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. На тот момент в Сербской армии уже было сколько русских офицеров, принимавших нередко в свои руки командование отрядами сербов. В отличие от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая не только активно освещалась в прессе, но и представлена значительным количеством мемуарной литературы, участие русских добровольцев в войне 1876 г. изображалось крайне скупо. Конечно, на страницах периодических изданий красочно описывались подвиги российских волонтеров¹, но данная информация, безусловно, была далека от истины, так как корреспонденты старались показывать лишь парадную сторону военных действий. Что же касается мемуаров и дневниковых записей, где бы характеризовалась и рассматривалась война 1876 г., то их чрезвычайно мало. Может быть поэтому сама тема русских добровольцев на Балканском полуострове

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

не получила в исторических исследованиях еще должного освещения. Вообще в отечественной историографии данный сюжет российской истории представлен чрезвычайно однобоко². Большинство исследователей акцентируют внимание на деятельности добровольцев в войне, что же касается формирования их взглядов, организации переправки на Балканы, то этих аспектов практически нет. Исключение составляет, пожалуй, статья Л.В. Кузьмичевой в сборнике «Россия и восточный кризис...»³.

Постановка вопроса о взаимосвязи ценностей и интересов в балканской политике России вполне закономерна. Тем более что история Балкан в каком-то смысле является органическим продолжением истории России, частью ее национального сознания. Балканы – это единственный регион, где внешняя политика России не только учитывала этнорелигиозный фактор, но и делала на него ставку. В данном случае речь идет, скорее, не о попытках его использования, а о национальном мифе. Согласно славянофильской мифологеме, в центре славяно-православного мира находится Россия, которой предназначено свыше и в силу своей судьбы покровительствовать и защищать славян и православных от враждебных им миров Ислама и Запада. Таким образом, политика Запада или исламских стран на Балканах неизбежно воспринималась и воспринимается как вторжение в пространство местореализации национального мифа России, а значит, возбуждает национальное сознание и создает ощущение опасности.

Несмотря на национальный миф, отношения России со славянскими народами были довольно сложными. Так, освобождение с помощью русской или советской армии не привело к тому, что, как ожидалось, все балканские народы бросятся в объятия освободителей.

В определенной степени такая неожиданная для России ситуация на Балканах во многом была вызвана ее же политикой. В прошлом официальный Петербург был крайне консервативен в своих воззрениях и очень осторожно относился к любому веянию свободы на Балканах, хотя вроде бы это способствовало ослаблению его геополитического соперника – Турции. В свое время в России не вняли призывам греков помочь их восстанию против Турции. То же самое повторилось в канун Апрельского восстания в Болгарии 1876 г. А позднее, с большим подозрением относясь к болгарским либералам, царское правительство поддержало государственный переворот болгарского князя Баттенберга, отменившего либеральную конституцию и установившего самодержавное правление. В связи с этим в одном из донесений из Софии русского посольства в Петербург из Болгарии констатировалось, что Россия не оправдала ожидания болгар, ее «беспрестанная перемена взглядов... переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму... поколебали наш нравственный кредит»⁴.

Большие проблемы у России возникали в связи с острыми противоречиями между самими Балканскими государствами. Каждое государство стремилось заручиться поддержкой одной из великих держав, в том числе и России. Соответственно интересы держав и балканских государств причудливо переплетались, создавая сложные международные проблемы, которые не раз готовы были привести к войне не только на Балканах, но и в Европе. Для России порою «славянское братство» становилось тяжелым бременем. Притом что «братья», случалось, и меняли пророссийскую ориентацию на союз с той или иной европейской державой.

Стоит вспомнить, что Болгария была противником России в двух мировых войнах. На примере динамики российско-болгарских отношений можно выявить такую закономерность: каждый уход российской армии с Балкан приводил к тому, что ее балканские союзники изменяли свой внешнеполитический курс. Примерно в таком же контексте развивались отношения с другими балканскими государствами вплоть до наших дней. Дело в том, что все победы российской армии не приводили к тому, чего и без оружия или с помощью его добивались западные державы: экономическому присутствию на Балканах. Но для этого необходимо было перестроить саму Россию – прежде всего национальное сознание, а это как раз сложно.

Россия даже не то, что просто избегала военного развития, но и боялась такого развития событий. Опасения связаны, конечно же, прежде всего с Крымской войной. Вариант подобного же развития событий, как и 20 лет назад, всерьез рассматривался и сковывал политику России, суживая её до дипломатических кругов. К тому же, Черноморского флота не было. Восстанавливающийся после отмены статей парижского договора, он обладал незначительными силами, с которыми рассчитывать на победу в сложившихся условиях было бы весьма опрометчиво. В работе С.Л. Чернова «Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг.» также отмечено стремление русской дипломатии к предотвращению вооруженного конфликта в целом и военного вмешательства России, в частности. Ещё существовала надежда на мирное разрешение будущего конфликта⁵. Тем временем Россия поощряла поддержку и помощь воюющим славянам, как деньгами, так и оружием, и, конечно же, поощрялось добровольчество. Так, многие офицеры получали отпуска и тотчас же перебирались поближе к военным действиям. Современники отмечали, что «движение добровольцев из России, сначала слабое и боязливое, затем быстро двинулось вперед»⁶. Ездивший добровольцем в Сербию известный писатель Д.А. Клеменц писал в своих воспоминаниях, что «на пароходе и на железной дороге только и слышал, что нельзя оставлять славян на съедение туркам»⁷.

Не стоит, однако, забывать, что среди добровольцев было множество всякого рода авантюристов. По мнению многих современников, главным недостатком сербской армии был ее разноплеменный состав. Один из многочисленных русских добровольцев В.Д. Паленов так характеризовал эту армию: «каких только национальностей нет в здешней армии. Славяне всех родов и видов, румыны, греки, немцы-прусаки, швейцарцы, шведы, американцы, шотландцы и даже англичане»⁸. Протестуя против грубого и бестактного поведения многих наших добровольцев в Сербии, М.П. Драгоманов писал в то же время еще в 1876 г. такие строки: «наших добровольцев не следует смешивать всех в одну кучу. Были между ними и такие, которые искренно и сознательно шли сложить свои кости за народную свободу, многие из них говорили, как тургеневская Елена, – “что делать в России”? Затем честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли “пострадать за веру” и защитить “честной крест”⁹. Безусловно, не стоит сбрасывать со счетов и «ура-патриотические» настроения, они многочисленны, но не отличались разнообразием в измышлениях¹⁰.

Возвращаясь к русским добровольцам, следует, конечно же, отметить главную фигуру в Сербской войне 1876 г. – генерала М.Г. Черняева (1828–1898). Он являлся членом Петербургского Славянского комитета. По приезду в Сербию генерал принял сербское подданство и вскоре был назначен главнокомандующим сербской армии. Вообще, дать оценку деятельности и позиции генерала по балканскому вопросу достаточно сложно. В советской историографии, например, Черняев представлялся боевым заслуженным генералом, известным как покоритель Ташкента, и его появление на Балканском полуострове благожелательно отразилось на боевых действиях – такова позиция историка С. Клисунова¹¹. Точка зрения историка И. Козьменко более выдержанная. Исследователь, в частности, считал, что главная причина медлительности генерала Черняева заключается в его ожидании совместного выступления Сербии и Черногории: это должно было придать больший размах военным действиям¹². В Сербии имя Черняева не пользовалось такой известностью, как имя генерала-публициста Р.А. Фадеева. Если в России Черняева отправляли с величайшим возбуждением, то на Балканах его встретили сдержанно¹³. Там он был известен в первую очередь как издатель «Русского мира», патриотические статьи которого в пользу Сербии и Черногории за восставших перепечатывались сербскими газетами.

Кроме того, сам Черняев отправился на Балканский полуостров с определенными «приключениями». В частности, шеф жандармов П.А. Шувалов пригласил к себе Черняева и в разговоре с ним взял с него слово, что он «к этим разбойникам не поедет»¹⁴, хотя сама идея поездки на юг Европы

у генерала возникла еще за десять лет до кризиса 1876 г.¹⁵ Однако эта поездка состоялась вопреки запрету правительства. Необходимо отметить, что правительство России в славянском вопросе в это время придерживалось крайне противоречивых позиций. С одной стороны, оно негласно поощряло славянское движение, деятельность славянских комитетов, движение добровольцев, посылало финансовую помощь, с другой стороны, оно запрещало торжественные проводы добровольцев. Оно нигде не заявило о своем сочувствии балканским народам. В частности, в российской прессе, в газетах «Московские ведомости», «Голос» не только не сочувствовали восставшим, но, сообщая о сражениях босняков и герцеговинцев с турками, называли их не иначе как инсургентами¹⁶. Единственной официальной реакцией России явилось опубликование в «Правительственном вестнике» документов о турецких зверствах¹⁷. Верность «союзу трех императоров», сознание своей слабости, страх перед новой европейской коалицией побуждали официальный Петербург воздержаться от каких-либо решительных действий. Несмотря на все трудности, на войну 1876 г. из России было отправлено 3 992 человека, из них больше всего из Одессы – 2 000 человек, из Москвы – 1176 и Петербурга – 816 соответственно¹⁸. Однако эти силы не могли существенно изменить ситуацию. В первую очередь потому, что Россия сама была к войне не готова. Во-вторых, вызывал сомнения сам состав добровольцев. Князь В.П. Мещерский, который в 1876 г. путешествовал по Балканам, очень тонко нарисовал первых добровольцев: «Первые партии были именно те, которые шумели, кричали, кутили и испытывали непреодолимое желание давать знать о себе, о своей удалости, о своем ухарстве всему миру – дескать, знай наших: мы идем турка бить!»¹⁹. В результате приходилось преодолевать «шапкозакладательские» настроения через боль потерь. В одном из самых ожесточенных боёв, Джунисском, 12 октября 1876 г. погибло более половины русских добровольцев²⁰. После этого поражения, 18 октября, Россия официально вмешалась в ход войны, предъявив по просьбе сербского князя Милана ультиматум.

Считается, что Сербия потерпела поражение в этой короткой войне. Но смотря что считать поражением. Да, локальную борьбу сербы сдали врагу. Причины этого можно найти в разных сферах, но сам царь Александр II заявил в конце октября 1876 г., что поражение лежит на сербах и их трусости²¹.

Короткая война 1876 г. завершилась, но конфликт на этом не был исчерпан, наоборот, все вопросы оставались по-прежнему болезненными для обеих сторон. Восточный кризис переходил в новую стадию, как минимум не уступающую по остроте и накалу предшествующей. Кризис вступал в стадию, на которой Россия стала действовать более чем активно. Восточный кризис переходил в кульминационный период.

Примечания

- 1 См.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 260–307.
- 2 Там же; *Никитин С.А.* Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7; *Он же.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; *Козьменко И.* Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5.
- 3 См.: *Кузьмичева Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.
- 4 *Чернов С.Л.* Некоторые аспекты внешнеполитической программы России на заключительном этапе восточного кризиса 70-х гг. XIX в. // Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1981. С. 216.
- 5 Там же. С. 20.
- 6 Цит. по: *Хвостов А.Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С. 9.
- 7 Цит. по: *Клеменц Д.А.* Из прошлого // Русские ведомости. 1910. № 232.
- 8 *Паленов В.Д.* Дневник русского добровольца // Пчела. 1877. Т. 3, № 9. С. 138.
- 9 *Драгоманов М.П.* Турки внутренние и внешние. Париж, 1902. С. 62.
- 10 В своих письмах о сербской войне 1876 г. историк Д.И. Иловайский отмечал: «Войну угнетенных славян с турецкой ордой я понимаю только как войну в высшей степени энергичную, войну беспощадную, без колебаний и усталости. А иначе не следовало совсем и начинать ее. Вот почему на русских патриотов производили и производят тяжелые впечатления и слухи о колебании в Белграде и постоянные переговоры о перемириях. Нельзя, впрочем, винить исключительно сербов, ввиду известий о том, что на них производят давление в этом смысле не одни враги славянства. Тол-

- ки о перемирии уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди армии вместо того, чтобы всецело отдаться своим стратегическим боевым задачам, принуждены бороться с политикой колебаний и приостановок. Отсюда рождаются новые затруднения. Чтобы протестовать против всякой попытки заключения постыдного мира, армия выдвигает вопрос о королевском достоинстве» (*Иловайский Д.И.* Письма о сербско-турецкой войне // Иловайский Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг. М., 1888. С. 234).
- 11 См.: *Клисунов С.* Русские добровольцы в Сербской войне 1876 г. и взгляды консервативной мысли русского общества и развитие Восточного кризиса и роль России в его разрешении // <http://www.epistema.ucoz.ru>.
- 12 *Козьменко И.* Указ. соч. С. 97.
- 13 *Богданович Л.А.* Два десятилетия Великой освободительной войны. М., 1902. С. 49.
- 14 *Дурново Н.Н.* К истории сербско-турецкой войны 1876 года // Исторический вестник. 1899. Т. 75, № 2. С. 531.
- 15 В своих воспоминаниях Н.Н. Дурново приводил высказывания самого генерала Черняева по вопросу поездки на Балканы: «С самого возвращения моего (имеется в виду Черняев. – С.К.) из Средней Азии я имел желание проехать по славянским землям, и не состоявшееся поездка моя в 1867 г. нисколько не ослабила этого желания. Теперь, когда на долю Сербии выпала трудная задача, от решения которой зависит дальнейшая историческая судьба княжества, поездка эта сделалась для меня нравственной потребностью» (*Дурново Н.Н.* Указ. соч. С. 535).
- 16 Там же.
- 17 См.: *Козьменко И.* Указ. соч. С. 97.
- 18 См.: *Кузьмичёва Л.В.* Указ. соч. С. 91.
- 19 *Мецкерский В.П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 54.
- 20 См.: *Кузьмичёва Л.В.* Указ. соч. С. 91.
- 21 Там же. С. 92.

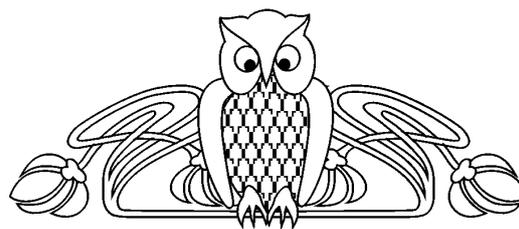
УДК 1(470):34+929[Толстой+Молочников]

ДЕЛО «ТОЛСТОВЦА» В.А. МОЛОЧНИКОВА (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье через призму судебных процессов рассматривается философско-религиозный феномен «толстовства», а также ситуация вокруг юридической ответственности Л.Н. Толстого и его последователей. В центре исследования – конфликт между личностью и властью, совестью и произволом, свободомыслием и официозом и, в частности, проблема распространения

толстовского учения и связанного с этим судебного преследования сторонников писателя. В статье рассмотрены меры, предпринятые Львом Толстым по организации правовой защиты попавшего на скамью подсудимых его единомышленника – В.А. Молочникова. Исследование всех перипетий судебных разбирательств проводится на основе анализа писем Молочникова, выявленных автором в отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: «Толстовец», Молочников, Толстой, дело, защита, письмо.